

чине которого уведомил меня господин де Грассен. Что же делать? Смерть неотразима. Я думаю, что вы уже утешились, сестрица; время — чудовище, и я это сам испытываю. Да, сестрица, к несчастию моему, время юношеских порывов уже прошло для меня; на деле изучил я искусство жизни и из дитяти сделался человеком. Вы свободны, я тоже: ничто не мешает осуществить нам наши детские замыслы, но я довольно благороден, чтобы скрывать от вас что-нибудь; я принадлежу еще моим клятвам; помню ваш маленький садик, деревянную скамейку...»

10 Евгения встала со скамьи как бы испугавшись чего-то и села на ступеньку лесенки, ведущей из сада на двор.

«...деревянную скамейку, где разменялись мы нашими клятвами, коридор, вашу темную залу и мой чердачок, и ту ночь, когда вы так нежно обвязали меня. Эти воспоминания питали, поддерживали жизнь мою, и я часто думал о вас; не знаю, думали ли вы обо мне? Смотрели ли вы в урочный час на облака, как мы некогда условились с вами? Да, не правда ли? Да, я не должен изменять дружбе, обманывая вас, сестрица. Вот в чем дело:

Мне предстоит выгодная партия, совершенно оправдывающая все мои надежды. Любовь в замужестве — это несбыточная мечта.

Опытность заставила меня подклониться под иго общественных мнений и слушаться ее советов. Во-первых, любезная сестрица, неравенство годов наших в вашу невыгоду; я уже и говорить не буду, что ни привычки, ни образ жизни, ни воспитание ваше не согласны с порядком и правилами парижской жизни. Мне, например, непременно нужно держать открытый дом, принимать общество, а я припоминаю, что вы любите тишину и уединение. Я буду с вами еще откровеннее — вы имеете право судить меня. У меня 60 000 ливров доходу; состояние мое по-

30 зволяет мне жениться на дочери маркиза д'Обрион. Ей восемьнадцать лет: в приданое она приносит мне титул, имя, почести.

Признаюсь вам, сестрица, что я терпеть не могу мою невесту; но у меня и у детей моих будет звание, место в обществе, что довольно выгодно, потому что день ото дня, более и более утверждается престол и возвращаются к прежнему порядку вещей. Через двадцать лет мой сын, маркиз д'Обрион, имея майорат в тридцать тысяч ливров доходу, может занять какую угодно должность в государстве. Мы принадлежим нашим детям, сестрица. Вы видите, я с вами откровенен. Вероятно, вы позабыли наши

40 шалости после семилетней разлуки — время дело великое, — но я не забыл ничего, ни вашей благосклонности, ни своего слова.

Но говоря вам о своей женитьбе чисто по расчету, не значит ли, что я совершенно предаю себя вашей воле и что если вы пожелаете, чтоб я отказался от всех надежд моих, то я с радостию буду